

[О взглядах А.А. Фета]

Афанасий Афанасиевич Фет-Шеншин — поэт исключительно лирический, не имевший по собственному признанию, «ни драматической, ни эпической жилки», он был в своей лирике необычайно далек от всего того, что занимало его жизнь как богатого помещика. Фамилию Фет, доставшуюся от матери, ему пришлось принять в школе и лишь много лет спустя родовая дворянская фамилия Шеншина была официально возвращена писателю, уже успевшему получить известность под именем Фета. Таким образом, его отец, ненавидевший литературу, был избавлен от огорчения видеть свою фамилию на страницах книги.

Вырос Фет в типичной барской обстановке дореформенной России. Он вспоминает, что в доме было «едва ли не дюжина лакеев». Отец его кичился своим уланским мундиром и был счастлив, когда сын поступил в кавалерийский гвардейский полк. Но когда молодой поэт познакомился с Тургеневым, отец-Шеншин был возмущен и частью напуган: Тургенев был неблагонадежным, поднадзорным человеком. Автор «Записок охотника», в свою очередь, был «огорошен» изъяснением мнения Фета, что «выше положения российского дворянина и не только выше, но благороднее и прекраснее ум человеческий придумать ничего не может».

Для Фета не подлежит сомнению патриархально близкая связь между помещиками и крестьянами. Он сравнивает крестьян с детьми, которые из-под теплого родительского крова уходят в школу и радуются только перемене места, а не разлуке со своими опекунами и кормильцами. Подобно многим нечистокровно русским людям, Фет постоянно превозносил Россию перед Европой и выставял себя большим патриотом, но вместе с тем на русский народ смотрел очень пессимистически.

В особенности нетерпимо стал относиться он и к народу, и к передовой интеллигенции, когда в начале 70-х годов получил право на родовую отцовскую фамилию Шеншина. Напрасно Тургенев писал ему, что как Фет он «имел имя, а как Шеншин имеет только фамилию».

По В.Максимову, С. Золотареву